

ВЕРОНИКА

ОБМЕН

МЕЛАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вероника Мелан

Обмен

«Вероника Мелан»

2026

Мелан В.

Обмен / В. Мелан — «Вероника Мелан», 2026

Марианна Кравец, работающая в офисе Московской компании, считает себя вполне заурядной – средняя внешность, неплохие профессиональные навыки, скучноватый, слишком педантичный характер. Чтобы разбавить рутину и быт, Марианна посещает выставку «Древних сокровищ Варравии», где касается загадочного камня без особенной веры в то, что тот поможет «одинокому сердцу» найти судьбу. Но случается странное: на следующий день Марианну закидывает в чужое женское тело и чужой мир, где она должна помочь неизвестному мужчине пробраться через зараженные квадраты, чтобы доставить в НИИ вакцину, а компаньонку незнакомца камень помещает в тело Марианны. Что за хаос, если тебя швыряет из родного мира в далекие земли и обратно? И как контролировать действия рыжей Лейлы, которая временно занимает твой дом? Вероятно, единственный выход из сложной ситуации – еще раз коснуться загадочного камня, но для этого придется вновь отыскать выставку, которая бесследно исчезла.

© Мелан В., 2026

© Вероника Мелан, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вероника Мелан

Обмен

Глава 1

Обмен

Глава 1

(Halsey - Without Me)

Здесь

«Как настроение?» - я как раз смотрела на сообщение, пришедшее от Эда – щеголеватого маркетолога, работающего этажом выше, - размышляя, стоит ли отвечать, когда вошла деловитая и немолодая секретарь начальника.

- Марианна Алексеевна, через пять минут начнется встреча. Конференц-зал номер два, вас там ждут.

- Иду, спасибо.

Москва, но не центр, ближе к окраине. Солнечный день. В компании «МедиаКом» я всего три недели, числюсь на должности «стажер», выполняю обязанности разнорабочего – частично секретаря, частично делопроизводителя. Копирую документы, проверяю грамотность составления отчетов, в следующем месяце хочу попроситься в отдел статистики, где мне самое место. Если за оставшуюся неделю зарекомендую себя надежным, ценным и ответственным работником, Роберт, мой босс, не откажет. Хотелось в это верить. У статистиков зарплата выше.

Оставив на столе чужой отчет, который проверяла, и розовый квадратный стикер со списком необходимых покупок на вечер, я покинула кабинет. По коридорам шагала уверенно, за три недели более-менее изучила хитросплетение лестниц, расположение лифтов и кабинетов. В целом, в «МедиаКоме» мне нравилось. Продавливая каблуками туфель низкий ворс коврового покрытия, я размышляла о двух вещах – о том, что зря, наверное, сегодня надела это бежевое платье. Мне двадцать семь, отношений нет, но я свежа, стройна и не теряю надежды встретить кого-нибудь интересного. Отсюда желание выглядеть привлекательно. Второй же вещью, занимавшей мой ум, было желание поговорить с Робертом о том, чтобы за такие вот «международные конференции», на одной из которых мне предстояло сейчас выступать переводчиком с английского на русский и обратно, мне доплачивали. Ибо секретарь – одна профессия, статистик – вторая, переводчик – третья. Если начальник человек честный, должен понять, что возложение всего подряд на одного человека требует увеличения поощрения.

В момент, когда я шла по коридору, я помнила всё – ткань, льнущую к ногам, чуть прохладный воздух, касающийся лица, щекотание щек прядями волос – я к нему давно привыкла, так как всегда оставляла свои прямые светлые волосы распущенными. Помнила, как потрогала ремень с золотой пряжкой (слишком вызывающий для делового стиля?), как убеждала себя, что шелковый шарфик на шее балансирует образ в приемлемый для конференции.

Я пребывала в моменте. Миновала закуток с кофемашиной, собиралась достичь конца коридора и свернуть направо.

Когда в первый раз случилось «это».

Мир качнулся. Всего на несколько градусов, и мне мгновенно поплохело. Так бывает, когда резко падает давление - и сразу же хочется сесть.

Но сесть я не успела.

Там

(Hybrid Core Music + Sound - Can't Stop This)

Я очнулась в машине. За окном темно, ночь. Машина куда-то неслась, салон трясло. Открыла глаза и никак не могла понять, когда я успела уснуть. Потому что так неожиданно в ином месте просыпаются только во сне. У меня такое случалось пару раз в месяц, когда удавалось хорошо отдохнуть, набраться за выходные сил.

Но я ведь только что шагала по коридору на митинг? Помнился запах молотых зерен из подсобки – работники этажа скинулись на агрегат получше, заменили им некачественную капсульную машину. Мне до лифта оставалось метров восемь...

Куда делись каблуки, платье? Я в неудобной одежде, тяжелых ботинках, штанах. И кто, черт возьми, за рулем?

Чьим бы ни было тело, в которое я временно влезла, оно слушалось команд моего мозга – я могла поднять руки, повернуть голову. Посмотреть на водителя, вид которого меня добил. Этот мужик был большим, сосредоточенным, мускулистым. А еще он был цельным, каким-то монолитным и, кажется, судя по поджатым губам, злым. Стоило мне подумать об этом, как я ощутила отголосок бешенства – чужого бешенства, оставшегося в этом теле от чужой хозяйки.

«Чужой хозяйки? Какая странная мысль...»

В снах действительно так бывает, когда ты осознаешь себя как себя, но в чьем-то теле. Открываешь глаза как иная личность, вот только даже в самых ярких снах не бывает такой плотности ощущений, таких четких ясных запахов.

Машину потряхивало на ухабах; меня душила смесь из чувств – оцепенения, шока и подступающей паники. Не могли эти руки, которые сейчас двигались, быть моими, не мог мой зад отчетливо ощущать кожу сиденья... Что за местность? Где я вообще?

На меня глянул и отвернулся сосед.

- Лейла, какой поворот ведет на объездную дорогу вокруг сектора «Е»?

«Лейла... - это... я?»

- ... хочу миновать опасную зону, не въезжая, - добавил водитель.

Я смотрела на него во все глаза. Во-первых, я не Лейла, я ничего не знаю ни о каких поворотах, я без понятия, куда мы мчимся. Во-вторых, мне бы проснуться. Вот прямо сейчас усилием воли вырвать себя этого кошмара, потому что я не люблю напряжение и погони – я человек мирный. Неясно только, как я могла уснуть, в какой момент? Может, я сегодня еще не просыпалась, и под утро мне приснился офис, выбранное платье, момент, когда я шагаю по коридору? А после я ухнула сюда? Это бы все объяснило. Кроме реалистичности ощущений и запахов. Сны отличаются некой эфемерностью, неявностью, а этот мир (я могла поставить на это свою месячную зарплату) был... настоящим.

«Да не мог он им быть!»

Снова нетерпеливо посмотрел водитель. Губы поджаты, взгляд холодный – мне вдруг стало ясно, что этот тип и Лейла не особенно ладили. Что между ними давняя и стойкая неприязнь.

- Я... не...

Эти слова произнесла я, но мой голос отличался – звучал чуть ниже привычного.

- «Я не» - что?

- Не знаю, где поворот.

- Вспоминай!

Профиль этого жесткого человека был красивым. Черты лица, прищуренные глаза. Все – нос, рот, подбородок – были «неидеальными», но удивительно подходящими, гармоничными по отношению друг к другу. На другом человеке подобный подбородок выглядел бы слишком упрямым, нос чуть большеватым, губы и вовсе «лепными». Но на этом типе воедино в понятие мужской красоты для меня сошлось всё.

Характер только подкачал. Я никогда не общалась со «стальными» мужчинами, собственно, они мне вовсе не встречались. А этот, судя по всему, был военным, привык командовать...

- Не молчи, - гаркнули на меня негромко, но я заиндевела, - не люблю, когда молчат в ответ на мои вопросы.

Вот же... пристал... Мне никак не удавалось проснуться, и это нервировало.

Спустя секунду я поняла, что мужик этот не просто военный и не просто сильный, но что-то умел. Обладал некоей силой, потому что его аура прессовала, она плющила меня, мяла, как каток фольгу.

- Я не могу... вспомнить.

- Не вовремя!

Судя по тому, что машина продолжала нестись, время утекало. Поле, которое окружало мужика, потрескивало от злости. Меня сминало в нем, как от разрядов электричества, и я начинала злиться в ответ.

- У тебя есть навигатор! Он что, повороты не показывает?

- Лейла...

Тихо сказано, почти шепотом, но у меня волосы на загривке встали дыбом. Потому что то, как было произнесено это имя, впитало в себя иной смысл. Похожий на «мы зависим от тебя; если прямо сейчас ты хочешь подставить наши задницы, то выбрала неподходящий момент...»

- Не смотри на меня так! И не ори!

Я это сказала, потому что посмотрели на меня и впрямь странно. И показалось, что гневный упрек сейчас разнесет салон. А я отвыкла, слава богу, от криков, потому что в моей жизни орал на мать только пьяный отец, но уже давно ни его, ни матери на свете в живых нет. Люди ушли, а аллергия на ор осталась.

Водитель настолько резко затормозил машину, что я только теперь оценила момент пристегнутого на теле Лейлы ремня безопасности. И впервые сумела рассмотреть лицо моего соседа, потому что он повернулся, потому что приблизился.

«Боль тоже настоящая...» - там, где впился ремень, саднило плечо.

- Послушай меня, - произнес водитель, который смотрел теперь в упор, - или ты делаешь свою работу, или я ссаживаю тебя на обочину. Я вызвался тебя терпеть, потому что ты профессионал. Потому что у нас миссия. Но попробуй в дороге меня не бесить.

Это было совершенно некстати, но часть меня млела от его глаз. Светлых, совершенно ледяных. А еще очень умных. В этот момент я решила, что это все-таки сон, что это все ненастоящее – машина, сосед, приключения. И значит, бояться не стоит. Страх от этого, конечно, не ушел, но хотя бы притупился.

Мне очень хотелось дать какой-нибудь вразумительный ответ, выудить из памяти нужный поворот, чтобы от меня, наконец, отстали, но вот беда – эмоции от прежней хозяйки остались, а вот воспоминания - нет. Хотелось назад, в свое платье, в коридор «МедиаКома» или же в постель. Хоть куда, только подальше от чужой ночи, машины и человека, чей недобрый взгляд раскладывал на атомы. Этот взгляд обездвигивал и тело, и мозг, он пропускал через себя столько силы, что делалось дурно. Красота и жесть. Я вспотела под чужой одеждой, мне нужно было на воздух...

«Проснись, Марианна... Отсюда нужно уходить...»

Обычно столь четкие мысли всегда прерывали сновидение, но не в этот раз.

- Я... постараюсь...

«Что у тебя с башкой?» - наверное, хотел спросить мой попутчик, но сзади послышался шум моторов, вдалеке еще замелькал свет.

- Черт, нас догнали...

И наш собственный автомобиль рванул с места.

Проснуться для меня стало не просто желанием - необходимостью. Но увы.

- Бери растяжки... Ставь! – заорали мне.

Хорошо, что темно, хорошо, что он не видит моих выпученных от ужаса глаз. Вот теперь точно засада. От моих действий что-то зависело, эти действия нужно было предпринимать быстро, но я застыла столбом, никак не могла заставить себя начать двигаться. Даже сообразить толком начать не могла.

- Что такое... растяжки? Где... они?

Безымянный человек лишь качнул головой на грани гнева и отчаяния – мол, что с тобой, дура?

- Считай, что у меня провал... в памяти. Говори, говори словами, что делать? Как новичку...

Секундная пауза – нас кто-то догонял.

- Заднее сиденье. Растяжки в коробке, выдави наверх окно, после активируй...

Я поняла, что легче не стало, что сейчас я впаду не в ступор, а в истерику.

- Давай... ты сам!

Наверное, за то, что я сейчас делала, за то, как себя вела, он наколотит этой Лейле зад. Если они оба – если мы – останемся живы.

- Держи руль!

Он не спросил, умею ли я это. Слава богу, руль держать я умела, потому что месяц назад сдала на права. Машины своей еще не было, не накопила, но баранка под пальцами уже не пугала.

Мужчина в однотонной форме, похожей на военную, перегнулся со своего места назад, боком втиснул себя между сиденьями, начал чем-то шерудить. Именно он выдавил заднее окно, которое поднялось, именно он чем-то пикнул, что-то включил. А потом бросил в тех, кто нас преследовал...

Я же думала о том, что все, что происходит, попросту невозможно. В салон влетал ветер. Запах леса вокруг, травы, теперь еще дыма и гари. От одежды моего соседа пахло порохом и парфюмом, который почти выветрился. Я всегда отличалась хорошим обонянием, умением отличать запахи, умением ощущать их кожей. И их не должно было быть ни в одном самом ярком сне.

Прогрохотало один раз – я боялась отвлекаться на зеркала. Прогрохотало второй – что-то взлетело позади, озарив светом пламени окрестности. Руль держать было сложно, он был большим, машина увесистой, я потеряла килограмм пять от напряжения за такое же количество минут. И уже почти не помнила себя от ужаса, когда водитель захлопнул окно, когда вернулся на свое место и принял обратно управление.

На пассажирское сиденье я стекла кем-то, похожим на обессиленный слайм.

В воздухе витала злая укоризна – я только что кого-то подвела. Кололось льдом молчание.

А я все смотрела на чужие женские пальцы с короткими ногтями, под которыми была грязь.

Я сделала маникюр на прошлой неделе, мои руки были чистыми, на ногтях нюдовый гель-лак – мне обещали, что он продержится месяц.

Каким образом из коридора высотки, где расположилась компания «МедиаКом», я попала сюда?

Стоило мне подумать «как вернуться обратно?», как мир качнулся еще раз. Поплохело.

И картинка сменилась.

(VideoHelper- ElegantMurder)

Здесь

Я вновь сидела за своим столом в кабинете, передо мной закрытый отчет. Не верилось, что более не ходило ходуном кресло под пятой точкой, что не трясло салон – салона не было. Были светлые стены, солнечный свет, закрытая дверь и розовый стикер со списком покупок. Шок и оторопь накрывали сильнее, чем тогда, когда в первый раз качнулся мир.

«Я схожу с ума?»

Неужели я уснула прямо в рабочем кресле? Получается, я еще не шагала по коридору, не поправляла пряжку ремня, не думала о том, балансирует ли мой деловой образ шарфик?

Но второй мир пребывал в сознании столь плотным, будто стал отгорожен лишь незримой и тонкой пеленой. В нём все так же куда-то несется по ночной дороге автомобиль, стеной стоит лес...

«Это был сон, Марианна...»

Наверное, так бывает, люди иногда сдвигаются по фазе. Переутомление, накопившийся за три недели стресс, хотя спала я ночами хорошо, ложились до полуночи, высыпалась.

Не успела я выдохнуть от облегчения (каким бы образом ни объяснялся с научной точки зрения мой глюк, он все-таки был просто глюком), когда в кабинет, не постучавшись, вошел Роберт Альбертович. Босс.

И рычать, что было ему совершенно несвойственно, начал с порога.

- Марианна, как можно было так... опростоволоситься на конференции? Что за выкрутасы?!

У меня похолодело в районе желудка. Нет, только не это...

- Вы вели себя в высшей мере неподобающе, я бы даже сказал, вызывающе... Для чего был весь этот спектакль, можете мне объяснить?

Теперь я знала, что тошнить может начать на пустом месте – уже пронзило мозг понимание, что мое отсутствие в этом мире сном не являлось. Оно и было отсутствием.

Роберт – сухощавый, прямой и высокий - махал руками.

- Можно ведь было предупредить? Мы позвали бы Лиду. У неё, конечно, не такие полные познания языка, как у вас... Но то, что вы, простите,... учудили!

Я потеряла лоб – стало чуть легче, потому что пальцы были холодными.

- Скажите... совещание... уже было?

Начальник прекратил жестикулировать, уставился на меня поверх очков в высшей степени укоризненно.

- А вы не помните?

- Извините, у меня... провал в памяти. Плохое самочувствие.

А что еще я должна была сказать?

- Это... никуда не годится, Марианна. Еще один такой «провал в памяти», и провал появится в вашей трудовой. Скажите спасибо, у меня сегодня родился внук, и я не готов портить этот день злыми решениями, но если еще хоть раз...

Роберт вышел из кабинета, качая головой. Он не договорил, но смысл был ясен нам обоим.

Черт!

Я влипла дерьмовее некуда. Мало того, что сама не могла разобраться в происходящем, так и напортачить успела. Причем не я, а эта самая Лейла – не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы сложить два и два. Если я пребывала в её теле, то она наверняка пребывала в моём!

«Так не бывает!»

Теперь я почти не сомневалась в том, что бывает всякое.

«Нет, Мари...» - именем Мари меня называла мать, женщина строгая, волевая, упрямая. И это самое упрямство я унаследовала от неё, в прошлом директора начальной школы захудалой губернии захудалого района, откуда я переехала после смерти родителей. Попросту не было сил смотреть на родные места, хранившие воспоминания детства.

Не успела я погрузиться в анализ произошедшего, как тренькнул сообщением телефон. Сообщением не личным, но появившимся в общем канале работников «МедиаКома». С заголовком «Во Кравец учудила!»

Впору было ударить себя ладонью по лбу.

Но вместо этого я нажала на «треугольник» воспроизведения.

Да, я была там. На совещании. Я, которая не я. Снимала, по всей видимости, стенографистка Даша – в другой раз я бы высказала ей за неисполнение своих обязанностей, но именно сейчас мне было важно всё увидеть воочию. Итак, конференц-зал, слева - начальство «МедиаКома», справа - иностранные партнеры. Роберт, взяв слово, начал приветственную речь...

Я приблизила видео настолько, насколько смогла.

Лейла осматривалась. Было очевидно, что ей не нравилось находиться среди незнакомых людей, но – хвала её выдержке – контроля над эмоциями она почти не потеряла. Не пыталась щупать платье, грудь, рассматривать свои руки. Вероятно, кто-то подловил её в коридоре, проводил до конференц-зала. И в нём она озиралась подозрительно, после сняла с шеи душивший её, как мне показалось, шарфик, завязала им волосы в хвост.

И это при всех. Игнорируя косые и прямые взгляды – мне становилось душно. Я бы на её месте сидела тихо и в высшей степени прилично, натянув на лицо благожелательное выражение. Но не она, не та, которая заменила меня на совещании. Лейлу не интересовало, что Роберт пытается шутить с партнерами, являя миру свои корявые познания английского, как раз произносил: «We happy to see you there...»

«Here» - поправила я его автоматически, не отрывая взгляда от «своего» лица. И оно изменилось, да, мое лицо, черты стали жестче, взгляд прищуренным, очень цепким. И осматривал этот взгляд помещение на предмет входов-выходов, камер, сигнализаций, датчиков. Скользил по потолку, стенам...

«Да она такая же, как тот мужик в машине... Они точно – пара».

Несколько человек засмеялись над шуткой Роберта, когда Лейла, не обращая внимания на присутствующих, поднялась и подошла к окну. Проверила, какой этаж, наличие балконов?

Я качала головой. Мне должно было быть в этот момент стыдно, но мать отучила стыдиться, равно как и обращать внимание на чужое мнение. Только кажется, что быть дочкой директора школы – участь завидная. Наоборот. Плевать, какие сообщения поплывут в чате под видео, жаль, что я подставила Роба, которого уважала.

Накренилась запись, потому что накренился телефон в руках Даши. После на мою фигуру навелся зум.

- Марианна Алексеевна, все в порядке? – кто-то из директорского совета вежливо прокашлялся.

И Лейла не отреагировала, конечно нет. Она не знала, что это её имя. Им пришлось окликнуть её трижды. Уже закончил говорить Роберт, произнес часть вступительной речи иностранный партнер.

- Будьте так любезны, переведите нам слова уважаемого мистера Паркса.

- Что?

Она даже говорила ниже, чем я.

Директора и партнеры переглянулись.

- Вы же здесь переводчик. Будьте добры...

- Я без понятия, о чем он говорил, - она ответила как отрубилась, - сами этим занимайтесь.

А после просто вышла из конференц-зала! Чхать она хотела на чужое мнение и на приличия; вероятно, ей тоже нужно было прояснить, как она попала туда, куда попала.

Воспроизведение завершилось, под записью уже значилось четыре комментария – я не стала их читать, положила телефон на стол, задумалась. Однажды я сообщила матери, что, когда вырасту, стану следователем, и она так на меня посмотрела, что тему я более поднимать не смела. Аналитический ум из моей головы, однако, никуда не делся.

Стремно, конечно, на душе, ничего не понятно, муторно.

Но я продолжала думать.

Очнулась я, сидя в своем кресле в кабинете. Значит, Лейла из конференц-зала направилась сюда. Как она узнала, куда идти? Кого-то спросила? Наверняка.

И я тут же сняла трубку стационарного телефона, набрала сервисного инженера, ответственного за видеонаблюдение.

- Дима, можешь дать мне запись с камеры из моего кабинета за последние пятнадцать минут? С меня коньяк. Качественный.

Хорошо, что камеры две недели назад установили по офисам, очень, как оказалось, вовремя.

Дима, конечно, противился – ему, дескать, запрещено. Я давила на то, что не прошу отрезок с общей проходной. На вопрос «у тебя что-то пропало из личных вещей?» ответила положительно. Это поставило дополнительную гирьку на чашу, и весы склонились в мою сторону.

- Ладно, - ответили мне, - запись такого отрезка будет слишком большой для почты, дам доступ через программу на твоём рабочем столе. Пароль сейчас скину в чат. И... пусть коньяк будет хорошим.

Вот я и начала тратить деньги, не успев их заработать. Сколько стоит действительно хороший коньяк? Пять тысяч, десять? Наверное, верхнего предела не было вовсе.

Нервная и раздраженная, лоб я терла до того момента, как очередным сообщением тренькнул мессенджер. В сообщении заветные два слова: «Login... PW...»

И вот она на экране моего компьютера. Лейла.

Она вошла в кабинет, закрыла за собой дверь, осмотрелась. И не на людях стала более смурной, взволнованной – только теперь вытянула перед лицом руки, какое-то время на них недоверчиво смотрела. Представляю, как странно было ей из машины переместиться в солнечный день, в тело девушки в платье и с прекрасным маникюром. Приключение, блин... Вышло, что влипли мы обе, и неясно, кто или что этому причина.

После секундного замешательства лже-Марианна Алексеевна быстро прошагала к висящей на стуле сумочке, вывернула прямо на пол её содержимое. От подобной дерзости я поперхнулась. Лейла же осматривала всё, что могла найти, и дольше всего она вглядывалась в паспорт с моим именем. А после в зеркало от пудреницы. Я руку могла дать на отсечение, что моя внешность ей не зашла – уж больно презрительно-холодным стало выражение лица.

«Можно подумать, ты красивее меня...»

К слову, я не рассмотрела лицо Лейлы в машине, было как-то не до того.

Вещи обратно она сгребала быстро, почти неряшливо – лишь бы упахать. После, ошарашенная, опустилась на мой стул (на котором я впоследствии и проснулась), принялась листать открытый отчет, лежащий на столе. Поняла из него, по всей вероятности, мало, задумалась, принялась автоматически чиркать ручкой на полях...

«Вот сволочь! Это же чистовой вариант!»

В отчете, который я открывала, и правда виднелись каракули – придется всё перепечатывать. Недоумевающая Лейла, напоминая меня саму, какое-то время терла лоб, после закрыла папку и откинулась на стуле. Видимо, для того чтобы подумать о ситуации, проанализировать случившееся.

Но случился обратный своп (“Swap” – на английском «обмен», «перенос»), и вместо Лейлы глаза в кресле открыла уже я.

Мне ничего не было понятно. Ровным счетом ничего, кроме того, что странная ситуация задела нас обеих – меня и Лейлу. Почему именно её? И почему меня? Почему не Дашу-стенографистку, например?

Накатывал страх, тревожность и неуверенность. Я никогда не любила не уметь что-либо объяснить, возможно, поэтому прилежнее всех изучала физику. Чтобы не молиться, как абориген затерянного острова, на удар молнии.

Но объяснений тому, что мы с Лейлой пережили, не существовало.

Или же их предстояло найти позже.

Не успела я нагнуться к сумочке, чтобы попытаться разложить вещи в нужном мне порядке (на Лейлу я почему-то не злилась – она тоже пребывала в шоке), как в кабинет кто-то постучал. Очевидно, не Роберт – последний никогда не стучал.

- Тук-тук? – вошел Эд, которому я не ответила на сообщение утром. – Не занята?

Очень хотелось ответить «занята». Я не грублю без причины, но меня тоже можно выбить из колеи.

Эдуард – видный мужчина, холостяк с хорошей должностью, хитрыми глазами и стильной шевелюрой из выющихся волос. В общем, как я сразу поняла по слухам, когда устроилась в «МедиаКом» – местный плейбой. Неплохое тело, видевшее раза три в неделю качалку, отглаженная белая рубашка. Мне почему-то казалось, что гладила ему её утром очередная пассия «на раз».

- Что ты хотел?

Этот прохладный тон я переняла у мамы. Он отбрасывал на лету всех визитеров.

- Хотел узнать... как ты?

Почему-то стало противно. Есть такой сорт мужчин, который любую ситуацию использует себе на пользу. Утешит девушку, когда нужно, протянет руку сочувствия и помощи, чтобы после она отблагодарила его в постели. С этим не ко мне.

- Все нормально.

Видимо, перебрать сумочку придется чуть позже.

- А по записи с конференции не похоже. Ты чего курнула этим утром, Марьяна?

Я не Марьяна, я – Марианна.

- Не курю.

Эд уже понял, что его сочувствие мне не требуется, и быстро вошел в защитно-обвинительный режим, перескочил на цинизм.

- Вообще-то, я хотел поддержать. Чего кусаешься? Ну, перебрала накануне с бабами... У Данки, вон, тоже голова болит, Ленка мается похмельем...

- Я не ходила с ними в клуб.

- Тебя же звали?

Не на каждое приглашение я отвечаю согласием.

- Я уже тебе сказала.

Мне хотелось прочь из четырех стен, на улицу, сесть на лавку, выдохнуть, успокоиться. Очень вовремя в очередной раз съезвил Эд:

- Да, Роберт попросил меня передать, что на сегодня ты свободна...

Отлично. Я никогда еще с такой скоростью не собиралась на выход. Уже покинула собственный кабинет, когда вслед долетела фраза-игла.

- ... этот день он тебе оплачивать не будет, так и сказал...

Я не стала оборачиваться и отвечать, поняла только, что как только окажусь снаружи, аккаунт Эда попадет в бан.

Глава 2

Глава2

(Chord Overstreet - The Only One)

Говорят, что сильным людям никто не требуется – это неправда. Сильные люди умеют держать эмоции в руках, не показывают слабости, делают вид, что всё всегда контролируют. Не всё и не всегда. Сильным тоже нужна поддержка.

У меня таковой не было.

Мне вспоминалась мать, но почему-то чаще материнского всплывал в сознании образ Алевтины Олеговны, работавшей когда-то школьным психологом. Вот к кому я могла бы обратиться за поддержкой, как в детстве. Когда не обнимала мать, я шла к Алевтине, жившей двумя этажами ниже нашей квартиры, притворялась, что меня отправили за солью, мукой, яйцами... Врала. Но меня звали на чай. Выслушивали, утешали, понимали с полуслова. Трепали по руке; и в старенькой чужой квартире было тепло.

Жива ли Алевтина сейчас? Связь давно потерялась. Поколение родителей уходит быстро – то один, то другой...

Именно ей, старушке уже, я могла бы признаться в том, что схожу с ума, что у меня, наверное, начинается шизофрения. Быть может, в ответ на это я услышала бы хоть что-то одобряющее – «мол, это лечится, всё нормализуется...»

Мне было страшно.

Мысль о том, что всё произошедшее утром – никакое не чудо, не приключение, а заболевание - посещала меня все чаще. В чудеса я не верила, а вот под симптомы расстройства мой «глюк» очень даже подходил. Неужели этот день изменит все на «до» и «после»? Что я узнаю, если решу пройти обследование? Не найдут ли у меня, двадцатисемилетней, опухоль мозга? Не подпишут ли, поставив сверху медицинский штамп, некий другой ужасный диагноз?

Никто не хочет страдать. Никогда. Ни по своей воле, ни против своей воли, и от мыслей о чем-то пугающем я отдергивалась, как от холодной шкуры ползущей слишком близко змеи.

- У вас всё в порядке? – об этом меня спросил бариста в кофейне – молодой парень с темными выющимися волосами. Чья-то мечта: высокий, накачанный.

- Почему вы спрашиваете?

- У вас руки трясутся.

Мои руки и правда тряслись.

- Все в порядке.

Сильные люди не признаются в слабостях.

Солнечный день; кофе на вкус горчил. Говорят, в каком ты настроении, таким все и ощущается. Очевидно, мое настроение было ниже плинтуса. Раз за разом я думала о том, что вероятнее всего никуда не перемещалась. Моё сознание сыграло шутку – мысленно перекинуло меня в другой мир, в другую личность, в то время как вторая – незнакомая мне личность – взяла бразды управления телом на себя. Лейлы не существовало, машины тоже, существовало моё раздвоение. Размышления об этом жгли и ошпаривали. Нельзя вот так в двадцать семь в самом расцвете сил узнать, что ты «того».

Зачем я взяла черный кофе, почему не капучино, как обычно? Очередной глюк? Нервное расстройство? Черную жижу я сумела выпить до половины, остальное выбросила в урну вместе со стаканом, и да, купила-таки газету в киоске, хотя мысленно била себя по рукам.

Искомые номера в количестве трех штук нашлись на одной из задних страниц. «Гадалка... Ведьма в третьем поколении... Колдун...»

Я ведь не собиралась этого делать?

«Мне только спросить» - как часто говорили, заглядывая вперед очереди в поликлинике. Вот и мне - только спросить...

- Алло? - я умела копировать мамин холодный тон - тон чиновницы Государственной думы. - Здравствуйте. Сразу скажу, у меня достаточно денег. И меня интересует такой вопрос... Положим, я хочу поменяться с другим человеком телами - это возможно? Сохранив в чужом теле свое сознание...

Ответила мне незнакомая бабка. Что удивительно, не отправила сразу, какое-то время молчала. После изрекла.

- Деточка, я долго живу, ритуалов знаю много. Уж не в первом поколении ведаю, но о таком не слыхала. Сознание считать чужое. Намерения вычислить, эмоции - но чтобы телами...

Бабка не велась на деньги, и её словам я, к своему сожалению, верила. Проблема заключалась в том, что мне хотелось найти объяснение тому, что случилось, без плохих диагнозов в моей медицинской карте.

- Значит нет?

- Нет.

Она хотя бы была честна. И я нажала отбой.

Упрямо поджимая губы, набрала второй номер, повторила свой вопрос. И вежливая секретарша пошла передавать его некоему колдуну «Вениамину» - мне был слышен их тихий разговор. После каблуки процокали обратно к телефону, и раздались короткие гудки.

Я печально кивнула. Значит, «Вениамин» ответил «не отвечай этой сумасшедшей» - и без слов всё ясно.

Но третий номер все-таки набрала - врожденное упорство требовало завершить процесс.

- Слушаю вас, слушаю... - голос на том конце женский, зрелый, сально-приветливый. - Телами, говорите? Расскажу, как, объясню, кто может, но информация дорогая, стоит будет двести пятьдесят тысяч...

Шарлатанка. Теперь отбой нажала я. Врущих людей я чувствовала за версту: дама на деньги падкая, такой врать, как дышать. Напридумывает несуществующую личность, возьмет втридорога. И ответственности никакой - мол, ищи-свищи некоего «Иван Николаича по деревне в Оренбургской области...»

Значит, на мой вопрос все три ответа - «нет». Легче не стало.

Я потерялась, я не знала, куда идти, что делать. Вернуться домой, отоспаться или сразу записаться в поликлинику? Снова и снова вспоминалась Алевтина Олеговна. И мама. Пусть она бы по обыкновению не обняла, но с ней было спокойнее, надежнее. И я обняла бы её сама.

Отчаянно хотелось плакать, но ведь ты взрослый, и на улице не положено.

Когда вдруг зазвонил сотовый, я успела подумать о шарлатанке, решившей убедить-таки меня отдать ей «большие деньги», о спамерах и даже о начальнике с работы.

Но на экране высветилось имя «Влада Жукова».

Мы дружили со школы, мы сидели за одной партой. Разошлись, когда оперились, отрасли каждый свои крылья. Я подалась в Москву, она еще до того уехала в Питер поступать в театральный. Провалилась, подала документы в педагогический, но не задержалась даже там, вернулась в родные края, продолжила обучение дома. Почему звонила теперь, столько лет спустя?

- Привет, Марьяша! - голос звонкий, заводной, совсем как когда-то. И только ей допускать звать меня «Марьяшей». - Жива-здорова? Слушай, у тебя же квартира недалеко от вокзала? Можно перекантуюсь у тебя несколько часов до поезда?

Я могла оказаться на работе, но не оказалась. Я могла сейчас отказать ей, сослаться на занятость, на недомогания, на что угодно. Но вдруг поняла, что мне тяжело одной, что мне легче в компании. Не обязательно ведь рассказывать о проблемах?

И я кивнула, хоть она и не видела. В трубку ответила просто:

- Приезжай.

Её поезд уходил вечером.

Влада изменилась внешне – стала более грузной, похожей на тетку, но задор в душе не растеряла. Так и практиковала легкий подход по жизни ко всему, и я радовалась тому, что могу отвлечься от собственных мыслей, нарезая салат.

Хорошо, что в холодильнике отыскалось вино, сыр, фрукты – всё для душевных посиделок, если бы мое настроение располагало к душевности.

И хорошо, что говорила в основном она.

Про Митича со второго этажа, который поругался с жилищным комитетом, про бабушку Аглаю, которую дети забрали жить на юг, про Серегу из параллельного класса, который ушел служить в полицию – Серегу, признаться, я почти не помнила. Влада восторгалась моей съемной квартирой, видом из окна, но хаяла Москву – мол, шумно, суетно, грязновато. Упрекала она и новую директрису школы, где когда-то работала мать – мол, командует унтерша, спускает на учителей всех собак...

Мы накрыли стол. Я пила и слушала, слушала и пила.

А Владка трещала, как радиоканал. Рассказывала, что прошла курсы массажа, ароматерапевта, что хочет, если повезет, устроиться в местный салон красоты. Что читает книги по эзотерике и астрологии – «а что, область-то востребованная, может, в жизни пригодится?» Сама шутила, сама смеялась, моё молчаливое настроение замечала, конечно, но в душу пока не лезла, и на том спасибо.

Мы всегда были «несовместимыми» по характеру, но дружили. Я правильная, сдержанная, молчаливая. И она – лезущая во все дыры, обожающая приключения. Наверное, если бы ни ее душевная щедрость на добрые поступки, Владка казалась бы мне простоватой, может даже глупой. Однако, «глуповатой» она обожала прикидываться, хотя на деле имела ум довольно цепкий.

- Ты сама-то как?

Вот и настал момент «допроса».

Я умела отвечать обтекаемо – все хорошо. Работа нормальная, мужчины пока нет, но все впереди.

Она кивала. Но становилась всё серьезнее.

- Если всё хорошо, то почему глаза такие грустные?

Пришлось увести тему обратно на неё – мол, по каким делам в Москву приезжала? Это временно сработало, радио включилось вновь. Оказывается, отец Владки, когда женился во второй раз, переехал в столицу, даже начал тут мебельный бизнес. Хотел предложить дочери роль партнера, если та согласится, если захочет переехать, вникнуть в дела. Дочь ответила, что «подумает», ощутила себя в чужих стенах некомфортно и решила податься на вокзал пораньше.

Я заедала вино сыром. И потихоньку пьянела.

У кого-то родителей уже нет в живых, а у кого-то в самом расцвете сил – вот как бывает. Кто-то почил, кто-то вошел в расцвет своей личной финансовой эры. А в какую войду я? Эру посещения людей в белых халатах? Нельзя об этом сейчас... Впервые подумалось, что зря я пригласила подругу, нужно было отлежаться, пролить слезы в подушку. А теперь никак.

- Марьяш... - Она увидела, конечно. Она знала меня как облупленную еще со школы. – Что-то не так у тебя. Рассказывай.

Когда тебе плохо и когда говорят «рассказывай», очень хочется поддаться. Вот только как поведать историю, отдающую душком безумия?

- Нормально всё.

- Нет.

Вот теперь её взгляд стал рыболовным крючком, засевшим в моих потрохах. Не вытащишь без надрыва.

Время за беседой течет незаметно, и чуть хмельными стали мы обе. Весна, и солнце уходит на посадку рано; день перетекал в закат.

Она знала, что я «орех» в скорлупе, что кремень, что правду просто так не вытащишь. Но нашла верные слова.

- Я ведь всегда была за тебя, помнишь?

Она действительно была. Когда я рыдала от первой неразделенной любви, когда давала ей читать записи в своем девичьем дневнике (я вела такой, пока его не обнаружила мать), когда я разозлилась на Пашку Аксенова настолько, что выбила ему камнем окно в спальне. Мне было четырнадцать, а Пашка мучил во дворе собаку... Я многое могла стерпеть, но несправедливость к животным – никогда. Да и камень хотела кинуть больше для того, чтобы выпустить наружу гнев, но окно частного дома оказалось хрупким. Или же камень слишком большим.

Это Владка тогда взяла вину на себя перед моей матерью, ибо дочь директрисы не имеет права так себя вести. И если бы правда вскрылась, меня за испорченную репутацию не простили бы долгие годы.

Были и другие происшествия, и подруга каждый раз выручала просто потому, что не могла и не хотела иначе. Это я и называла её «душевной щедростью».

И я вернулась в детство, её взгляд вернул. Тот самый взгляд верного друга, всегда подставлявшего плечо.

- Говори уже, не томи...

- Да плохо всё на самом деле, – вот я снова маленькая, снова в родном городе, и мне четырнадцать. – Я думаю, что схожу с ума... Заболеваю.

- Ты? Не верю!

Она хлопнула ладонью по столу так браво, что подскочили вилки и бокалы.

И мне почему-то полегчало.

(Shofik- Yesterday)

Я рассказала ей всё от начала и до конца. От момента, как мир покачнулся в офисном коридоре до собственной печали на лавочке после обзвона «гадалок». Более всего я боялась увидеть, как завуалированно изменится взгляд напротив – с любопытства и сочувствия на притворно дружелюбное отторжение и желание поскорее из этой квартиры уйти. Никто не желает поддерживать психопатов, находиться рядом с ними.

Но Владка жевала губы. Я давно заметила, что в сложные моменты она становилась серьезной, глубокой и такой же, как я, упрямой. Может, в прошлой жизни она была полководцем? Зависшая над столом пауза после рассказа меня тяготила; подруга отхлебнула вина, сложила руки на груди и изрекла.

- Знаешь, на что это похоже?

- На шизу?

- На фантастический фильм.

Да уж. Легче мне не стало, хотя чего я ожидала? Тему нужно было как-то аккуратно свернуть, может, перевести в шутку – я почти пожалела о признании, но Влада, как таран, не собиралась сходить с колеи. Если уж она бралась помогать, то включалась по полной.

- Я когда начала читать книги по эзотерике, столько всего вычитала... - добавила она задумчиво. – Если бы ты знала, сколько всего с людьми случается... чудес.

- Да уж. Нашла чудо.

- А почему нет? Вполне может быть, что имеем дело с одним из таких вот загадочных явлений, которые иногда упоминают в книгах. Что мы вообще знаем о чудесах?

- Что их не бывает.

- Вот! – она наставительно подняла палец, но со мной не согласилась. – О том, что те, кто с ними столкнулся, этим уже не делится. Понимаешь, не каждому выпадает...

- Лучше бы мне «не выпадало».

- Ты этого пока не знаешь.

Мы однозначно захмелели. Однако ощущение, что нам по четырнадцать и мы вляпались в какую-то тайну, спасало ситуацию от излишней серьезности. Она была права – вдвоем легче.

- Знаешь, о чем я думаю? – Владка продолжала размышлять вслух. – О том, что ты жила двадцать семь лет и с тобой ничего подобного не происходило до сегодняшнего дня. Так?

- Так.

- Значит, что-то послужило триггером.

- Опухоль?

- Окстись! Что-то всегда, насколько я знаю, активирует странные события – некое происшествие накануне, контакт, необычное действие. Ты с цыганами не общалась?

- Я их за версту обхожу, ты меня знаешь.

Потихоньку закончилось вино и сыр; мы по очереди щипали с ветки на тарелке виноград. За окном все темнее.

- Всё равно. Было что-то необычное, вот я уверена.

Мне вдруг привиделась темная комната в лагерном кампусе много лет назад, куда нас отправили вместе. Скрипучая кровать, деревянная рама окна, пыльное стекло, разложенные на покрывале карты – мы тогда гадали на суженого. Было таинственно, жутко и немного смешно.

- Расскажи мне свой вчерашний день от начала и до конца.

- Зачем? Все было, как обычно.

- Вот и расскажи.

Я почти набычилась.

- В моих днях все всегда одинаково, я стабильна до зубного скрежета.

- Что-то отличалось.

- Утром в туалете пукнула два раза вместо одного?

- Смешно. Давай с самого утра, не пропуская деталей, – кажется, она взялась за меня всерьез.

Пришлось начать вспоминать.

- Утром я отварила яйца, нарезала овощи, собрала салат на работу. Доехала по обычному маршруту, ни с кем не говорила. Получила на руки для проверки отчеты; важных митингов не было. Я отсидела пятую точку в кабинете...

Владка откровенно скучала. Но скучала, как ястреб, который терпеливо выжидает, когда же из-за камня выползетмышь.

- ... в обед, правда, пролила кофе на рукав блузки, решила, что нужно купить новую, чтобы была замена, пока первая в стирке...

- Вот! – прогремело на всю кухню.

- Что - вот?

- Вот с таких мелочей и начинается ком необычных событий.

- Ну, конечно! – Не знай мы друг друга настолько хорошо, могли бы и поругаться, а так только пыхтели вхолостую. – Если бы каждый, кто проливал на рукав кофе, вляпывался в истории...

- Давай дальше!
- Я решила после работы зайти в торговый центр, походить по магазинам...
- Может, там были цыгане?
- Да не было там цыган!

Вино ослабило нам вентили эмоциональной сдержанности и веселья.

- Ты нашла блузку? Купила её?

Если она еще раз про цыган в метро по пути домой спросит, я её стукну.

- Нет, не нашла подходящую. Собиралась домой, но... вдруг увидела афишу про выставку.

- Какую выставку?
- Артефактов Древней Варравии на цокольном этаже.
- Аравии?
- Нет, Варравии – так было написано.
- Но такой страны нет и никогда не было.

Кажется, мы обе начали трезветь.

- Я тоже так сначала подумала, но после решила, что я могу чего-то не помнить, никогда не любила историю.

Владка даже достала телефон, открыла Гугл, начала вбивать что-то в поисковик.

- Ага, дальше, - пробубнила она, как сосредоточенный следователь.

- Ну, я решила сходить. Одинокие вечера, знаешь ли, длинные...

- Неодинокие тоже длинные, - подруга поморщилась, и стало ясно, что у неё в личной жизни не всё гладко.

Пока она вчитывалась в результаты поисковых запросов, я бубнила:

- Я туда спустилась по лестнице, внутри было довольно темно. Разные экспонаты на стенах, мониторы с описанием, но текст был такой мелкий, что я ничего не могла прочитать. И людей почти никого. Знаешь, удивила цена билета в две тысячи рублей... «за такое барахло» - так мне подумалось. Пахло чем-то непривычным, как будто ароматическими свечами... или древностью. Ко мне пристал местный «гид» по артефактам, начал с энтузиазмом вещать, хотя я уже хотела уходить. Он всё говорил: «Присмотритесь, вы такого нигде не увидите», мол, магия в чистом виде. Да какая там магия, Влада – захудалый подвал и какие-то маски на стенах. Ерунда. Я этому гиду сказала то же самое, и он обиделся, знаешь, так по-настоящему, заявил, что самую большую ценность они не успели выставить, но он готов мне её показать. Какой-то камень... Завел за кулисы, показал на пыльный алтарь, сказал, что, если я готова встретить свою судьбу, можно приложить руку...

- И ты приложила?!

- Приложила. И что? Ни искр, ни грома, ни света. Ни даже мурашек!

- И говоришь, что ничего необычного?! Ты приложила руку к магическому артефакту страны, которой никогда не существовало, и забыла об этом?

- В прошлом году я сидела на каменном стуле невест в Тунисе и замуж-таки не вышла.

Она даже хлопнула себя по лбу.

- И утверждаешь, что триггера не существовало? Ты потрогала «камень судьбы» вчера, и сегодня тебя швырнуло в другой мир. Хочешь, я тебя удивлю еще раз?

У меня во рту появился странный привкус. А на задворках сознания - щекочущая мысль о том, что Владка-следователь, может быть, права. О камне я и правда благополучно забыла, ибо ничего при соприкосновении с ним, кроме прохладной поверхности, не почувствовала.

- Нет в Москве такой выставки, на, смотри! – она повернула мне свой телефон экраном, почти что ткнула им в лицо. – Ни такой древней страны, ни такой выставки. Поздравляю, это не шизофрения, и ты все-таки вляпалась в приключение.

Про страну я и сама хотела позже прочесть, но этот момент благополучно выпал из моей памяти по возвращению домой. Плохие артефакты, никчемная выставка – зачем тратить время? Видимо, именно так решило мое подсознание.

Мы опять смотрели друг на друга, как в юности – пылливо, замороженные одной на двоих тайной.

- Хочешь сказать... камень сработал?

Я, конечно, в это не верила, но это объяснение мне нравилось больше, чем наличие болезни в моей голове.

- Очевидно, - крикнула Владка, - видимо, ты оказалась готовой встретить свою судьбу.

- В другом мире?

Она лишь пожала плечами, я же продолжала упираться.

- И меня закинуло в чужое тело?

- Наверное, камень не мог взять и выкинуть эту Лейлу из машины и посадить вместо неё тебя.

Мы вдруг начали смеяться.

Да, наверное, не мог. И если уж идти по этому предположению до конца, поменял наши сознания местами.

- А она тоже хотела встретить свою судьбу?

- Откуда мне знать? Слушай, - Владка встрепенулась, постучала ногтями без маникюра по столу (она вообще всегда ратовала за естественный во всем вид), – а мужик этот в машине хоть красивый?

Я умолкла. И пока я молчала, выражение лица подруги менялось.

- Значит, красивый. – Ответила она за меня.

- С чего ты взяла? Я не успела рассмотреть.

- Врешь, успела. Я помню у тебя такое же лицо, когда в параллельный пятый пришел Славка Рябинин...

Она слишком хорошо меня знала. Видимо, тогда «то самое моё выражение лица» заметили все и начали шушукаться и хихикать. Пришлось научиться его скрывать.

- Ладно, хорошо, мужик в машине и правда был красивым. Но злым, как собака.

- Не на тебя же, на эту Лейлу.

- Легче от этого не было.

- Когда узнает тебя лучше...

- Подселенку в её мозге, хочешь сказать?

Владка хрюкнула в бокал с вином, когда делала последний глоток. Оказалось, время незаметно слилось, и ей пора было на вокзал. Меня удивил отблеск печали в её глазах.

- Эх, где, ты говоришь, была эта выставка? Может, задержаться, тоже тот камень пощупать? А то у кого-то приключения, у кого-то серые будни.

- У тебя же Димка?

- А что Димка?

Стало ясно, что гражданский муж Жуковой уже почти «отжил своё».

Она пылливо смотрела на меня у самых дверей, просила с тем же пылом и жадностью, что и в пятом классе:

- Ты только держи меня в курсе, а? Рассказывай, как развиваются события.

Не хотелось, чтобы Владка уезжала, но ей было нужно назад.

- Буду, - я не соврала. Мне нужно было с кем-то делиться. – Если, конечно, будет продолжение. Может, то была «розовая акция» камня из Варравии.

Подруга, обуваясь, хмыкнула. Взгляд чуть соловый от алкоголя, но упрямый и веселый, мол, еще увидишь.

- Я есть в мессенджерах, - подытожила она, обняла меня и покатила свою сумку по каменному полу подъезда.

Я закрыла дверь и осталась в квартире с пустой бутылкой вина, пустыми тарелками и такой же головой. Растерянная, но уже не потерянная, запутавшаяся и чуть хмельная.

Глава 3

Глава 3

(*Marion- FutureBeginning*)

- Здесь была выставка, она уже съехала?

Конечно же, первым делом я побежала в торговый центр, где собиралась накануне купить блузку, где потрогала злосчастный камень. И нет, я не то чтобы поверила в мистику, но решила подстраховаться. Если старинный артефакт сработал от одного прикосновения, нужно совершить второе со словом «стоп» - намерением прервать процесс. По-крайней мере, идея была именно таковой. Но она провалилась.

Вечер; половина магазинов на цокольном этаже в нерабочем состоянии. На каких-то объявления о скором открытии; некоторые заперты, свет погашен. Терла полы влажной тряпкой уборщица.

- Выставка? – она посмотрела на меня с недоумением. – Вы про Африканскую, что ли? Так она была месяц назад.

- Нет, про «Сокровища Варравии».

- Не видела такой... А я слежу...

Тетке на вид было за шестьдесят. Усталое, но приятное лицо, обесцвеченные волосы, завитые в кудряшки.

- Я же вчера самолично на неё ходила...

Впору было заламывать руки. Слово «мистика» становилось чем-то всё более осязаемым, дышало уже не в спину, а в лицо хрустальным переплетением судеб и времен.

- Вчера тоже я работала, но было закрыто, как и сегодня.

Пустовал прилавок, где неприметная девочка взяла с меня деньги за билет, выдала чек. Интересно, остался чек или тоже испарился? Распахнутая накануне дверь сейчас действительно была заперта. Две афиши на стене ободраны, от них лишь клеевая основа, ни изображений, ни слов не разобрать.

- Может, вы в другой ТЦ ходили? – уборщица добродушно пыталась помочь. – Сейчас их столько, что можно запутаться. А вот Африканская была неплохая в той секции, где бабочки. А где маски – лучше не ходить, даже мои внуки не захотели их разглядывать. Ужасные они какие-то, зловещие...

Она разговаривала больше сама с собой.

Я не стала ничего говорить вслух – спутала я ТЦ или нет (конечно, нет) не имело более никакого значения. Той выставки, которая вчера существовала в моем личном мире, не существовало более ни для кого – ни для уборщицы, ни для Владки, ни для Москвы. Пора было подниматься по лестнице, ведущей с цокольного этажа на первый, откуда шагать к автобусной остановке. Загадки, тайны и сложности утомили мой разум до предела – лучше домой на такси.

Остановилась я у первой ступени, уже хотела взяться за перила, но вместо этого достала телефон. Скрипя зубами, принялась набирать смс:

«Роберт Альбертович, мне нужен недельный отпуск».

Да, я стажер, мне бы не пропускать. Но нужно убедиться, что мои приступы более не повторятся, иначе я не просто опозорюсь перед всем коллективом, но прослышу сумасшедшей.

«Мне нужно обследоваться», - завершила я предложение, хотя эта часть мне совершенно не нравилась. И нажала отправить.

Прошло секунд двадцать, прежде чем пришел односложный ответ:

«Хорошо».

Я вздохнула. Не поймешь, с сочувствием было написано это самое «хорошо» или же с отстраненным неприязненным раздражением.

У меня в запасе неделя, чтобы с собой разобраться.

Дома я заварила вечерний чай, как делала всегда, долго смотрела из окна на проспект. Непрерывный поток включенных фар, то замирающий у светофора, то вновь приходящий в движение. Нужно было думать о дальнейшей судьбе – работа в «МедиаКоме» вдруг за сутки повисла на волоске. Что я буду делать, если меня уволят? Устраиваться в другую компанию, продолжая рисковать, что на моем месте в любой момент возникнет Лейла?

Безопаснее, конечно, работать дома. Некоторое время назад я начала рисовать картины – для отдыха, для души. Брала любую понравившуюся фотографию, создавала копию на свой лад. Фотографировала свои непрофессиональные, но неплохие на мой вкус работы, выкладывала их в Ай-грам, заимела несколько сотен разношерстных подписчиков. Даже получила за последний месяц два заказа, чему порадовалась – деньги небольшие, но они несли с собой надежду на будущую независимость. Как раз вторую из этих картин следовало отдать через сорок восемь часов, но настроения творить не было. Ни вдохновения, ни ветерка легкости внутри. Я посмотрела на стоящий в углу мольберт и тюбики акриловых красок и отвела взгляд.

Нужно выспаться, к утру голова станет яснее.

В постель я ушла непривычно рано, погасила свет, долго крутилась, корила себя за посуду, которую так и не помыла после «посиделок» (что поделать, люблю чистоту), в итоге все-таки уснула.

Чтобы проснуться в двенадцатом часу от непонятного чувства. Успеть сесть на кровати, кинуть взгляд на будильник, почувствовать легкую тошноту.

А после – я впала в ужас еще до того, как это случилось (только не опять!) - качнулся мир.

(Unions - Bury)

Там.

Я снова была ей, Лейлой. Стояла между кустами с раздвинутыми ногами, со спущенными штанами – боже, я только что мочилась, после чего привстала? Она мочилась, когда качнулся мир... Как она устояла на ногах? Господь всемогущий, нельзя же вот так... неожиданно. Несколько секунд я пребывала в полнейшем замешательстве, не зная, где искать средства гигиены – может, она их уже использовала? Полнейший шок. Испражнениями не пахло, и потому я просто принялась натягивать на обдуваемую ветерком пятую точку портки.

Оказывается, это сложно – в темноте совладать с незнакомым замком на штанах.

Сложно было всё. В первую очередь справиться с собственными эмоциями, потому что пыталась накрыть паника. Я опять в незнакомом теле, в незнакомом мире. Вокруг ночь; машины не видно, но рядом деревянный, похожий на деревенский дом. В нём горят окна.

«Хоть не продолжение погони. Значит, мои знакомые добрались до точки отдыха». Возможно.

И это был не сон. Выбравшись из кустов, я сначала втягивала запахи – земли, листьев, похожих на конопляные, старого сруба, свежей ночи. Прохладной, к слову сказать. После принялась себя ощупывать – да, тело не мое. Иная форма щек, лба, носа, губ... Титки. У меня никогда не было столько... в бюстгальтере (Лейла однозначно была обладательницей большего, чем мой, размера). Мои ладони остановились на собственном, очень крепком прессе.

«Она годами его качала?»

Её бедра чуть уже моих; волосы завязаны в хвост.

«Точно так же она затянула их на конференции моим шарфом».

Панику пришлось отпихнуть, хотя оцепенение практически не проходило. Что мне делать, где я?

«Лейла проснулась в моей постели? Если так, ей повезло больше».

Ночь плотная, черная, на небе не видно звезд. Да вообще, если быть честной, ничего вокруг не видно кроме листвы кустов, да и ту различаешь только потому, что горит окно. Ни фонарей, ни дорог, ни звуков помимо шелеста листьев.

План простой – вернуться в дом. Не прочь ведь от него? Куда? А если вокруг волки? Идиотская мысль, но мне, кроме идиотских, никакие в голову не приходили. Лейла вышла, чтобы помочиться, ей надлежит вернуться. И я отправилась искать входную дверь.

Настоящая древесина под подушечками пальцев – шагая, я проводила рукой по стене. После по пыльному железному подоконнику, перилам. Совершенно по-настоящему скрипели ступени крыльца.

Это было морально сложно, но мне пришлось окончательно отбросить мысль о том, что это сон.

Это чужой мир. И меня периодически в него закидывает.

На стуле у стола сидел он – тот самый мужик из машины, что-то искал в рюкзаке. На вошедшую меня не взглянул. А вот я на него – да. Потому что здесь было светло, потому что я, наконец, увидела, насколько он здоровый, крепкий и... красивый. Высокий, высеченный из камня, брутальный. Моя рожа, наверное, стекла вместе с челюстью вниз, как свечной воск, и я вовремя встрепенулась – Лейла на него так не смотрит.

«Но Владка была права. Если этого парня нашел для меня старинный камень, то выбрал самого красивого мужчину из существующих. Лучше не найти».

Хуже всего, что действовать и ориентироваться нужно было быстро. В местности, в действиях, в собственных эмоциях, которые отличались от эмоций Лейлы. Комната одна и не очень большая, кровать узкая, тоже одна. Стол у окна, у него стул; печь в углу.

На кровати стоял рюкзак – я сначала подумала, что он принадлежит незнакомцу, но тут же сообразила, что незнакомец как раз ворошит нутро своего, стоящего у ног. Значит тот, который на кровати, принадлежит Лейле.

Пока я оценивала «расстановку фигур» на шахматном поле, мужчина что-то достал – аптечку? Прямоугольную сумочку, наполненную блистерами и бутылочками. И принялся снимать водолазку. Разорванную на боку, как оказалось.

Он был ранен!

Мои глаза будто принадлежали двум разным персонам. И одна из этих персон поняла, что никогда не видела раньше настолько красивых и мощных плеч, настолько возбуждающего торса. Укачивающе-сексуального. Вторая же ужаснулась от пореза на боку. От когтей? От ножа? Рана неровная, хорошо, что не очень глубокая.

В этот момент серые глаза – мне показалось, что именно серые, но в неверном свете единственной лампочки не разобрать, – взглянули прямо на меня. На мою отвисшую челюсть, которую пришлось тут же подобрать. Принять почти безразличный вид. Все же не спросить я не могла:

- Помочь тебе?

У меня нет специализированных курсов за плечами, но рану обработать я могла.

- Сам справлюсь.

В ответе ни грамма доброты.

Хорошо, что сам, хорошо, что так. Вдруг бы мне сейчас приказали достать из сумки некий «триформальдегид хлорад», и я бы опять спалилась на первом шаге? К черту...

Дойдя до кровати, я опустилась на неё, поддерживая равнодушный вид, какой, как мне показалось, должен был присутствовать у Лейлы. Притворилась, что ищу что-то в своем рюкзаке.

заке. Сама же смотрела на «водителя», который уже достал порошок из пакетика, развел его в небольшой емкости, после вылил смесь себе на ладонь. И припечатал её к ране.

Зашипело; мужские челюсти сжались, переживая приступ нешуточной, судя по всему, боли. Я же не могла оторвать взгляд от углов его челюсти, от поджатых губ (красивых даже в таком состоянии), от напрягшейся на шее мышцы.

«Нельзя так прямо смотреть! Марианна, остынь... Начни соображать!»

Но как соображать в месте, где ты ничего не знаешь? Ни грамма представления о том, кто он, кто ты, что за мир вокруг. В рюкзаке Лейлы был не то бардак, не то необходимая для выживания смесь – какие-то приборы, провода, электроника. Я отдернула от них руки, как только сообразила, что могу касаться каких-нибудь детонаторов, взрывателей, взрывчатки. Боже... Невероятно сильно хотелось ссутулиться, прикрыть лицо ладонями, покачать головой – господи помоги мне! Во мне смешались ужас и апатия, когда я попросту вытянулась на кровати, оставив ноги стоять на полу – сделаю вид, что отдыхаю, в конце концов. Получу минуту размышления.

Незнакомец «прижег» рану смесью, отнял ладонь и теперь просто сидел, подперев висок пальцами. Выдыхал после длинного и сложного дня? Он ранен, значит, они с Лейлой с кем-то дрались после моего «исчезновения» - с кем? И не ранена ли я сама? Боль в теле отсутствовала, а вот одна из ладоней саднила, ободранная.

«Легко отделалась».

Или этот человек-гора её защитил? Сколько в нём было роста - сто восемьдесят, сто девяносто сантиметров? Если идеальным образом накачать модель, если черты лица взять из образа женской мечты, можно было получить того, кто сидел сейчас за столом. Волосы не темные и не светлые, нечто среднее, короткие на затылке и висках, чуть длиннее сверху. Разлет бровей боевой, нос упрямый, подбородок мужественный. Взгляд в душу. Не знаю, как она с ним работала, я бы, глядя на такого, могла только подбирать с пола слюни.

Наверное, я сочла бы, что на этот раз мне повезло – второй раз я попала сюда вне серии «активных боевых действий», в момент, когда можно было лежать на кровати и молчать. И уже было подумала «пронесло», когда вдруг пикнул на центральном столе планшет.

Мне кивнули:

- Посмотри, что пришло.

(Unions- Silhouette)

Так смотрит на доску в классе самый тупой ученик. Тот, который не понимает не то что слово «логарифм», но даже составных частей уравнения – вот так я смотрела на этот планшет. И в этот раз замешательство скрыть не удалось.

Человек на стуле, старающийся не тревожить лишний раз рану, смотрел на меня пристально. Даже слишком.

- Что там?

Я молчала. После изрекла слово, показавшееся мне «не самым тупым».

- Данные.

И сверло в чужом взгляде сделалось ощутимо жестче.

- Что именно написано, Лейла?

Оказалось, что планшет на этом столе не один, что рядом лежит еще какой-то геолокационный гаджет, что на нём эхом расходится вокруг некоего квадрата сигнал. Как это трактовать? Продиктовать цифры? А если ошибусь в произношении, знаках, расшифровке?

Молчание, исходившее от человека с серыми глазами, становилось все тяжелее. После последовала фраза, которую я боялась услышать.

- Только не говори мне, что у тебя второй раз за день отшибло память.

Впору было нервно сглотнуть, потому как память-то у меня присутствовала, вот только не Лейлы, а Марианны.

- Я просто устала.

Тогда он поднялся со стула, поморщившись (мне показалось, или рана на боку затягивалась?), подошел и встал рядом. Но посмотрел не на планшет, а на меня.

- Мы третьи сутки находимся в зараженном квадрате. Сейчас самое плохое время для того, чтобы тупить.

Мне хотелось взбрыкнуть, потому что я не тупила. Я вообще-то сама пребывала в шоке от «свопов», но тут в разум вползло другое облако с темным смыслом – «в зараженном квадрате». Зараженным кем? Чем?

Только бы не зомби! Чтобы сосед не прочитал в моих глазах ужас, я приклеила свой взгляд к радару. *Боже, только не зомби...* Я раскрошу тот древний камень на мелкие кусочки, если он закинул меня в мир, где бродят ходячие мертвецы.

Когда мой сосед перестал меня сверлить своим встроенным сканером, стало чуть легче дышать. С ним рядом просто было тяжело стоять, по-женски тяжело. Очень отвлекал вид мощных рук, мышц, куда-то не в те дебри уплывало сознание.

- Пишут, что отрезок А32 чист, завтра через него и поедem.

Наверное, это хорошая новость. *Поедем куда?*

- Отлично.

Я подалась туда, где находилась раковина – очень хотелось пить. И просто отойти от типа, который очень по-мужски пах и ощущался. Невозможная у Лейлы работа, для меня лично совершенно невозможная. Я никогда раньше не тушевалась от мужского присутствия рядом, но в этом конкретном случае проседала.

Отыскала стакан, открыла кран, налила воды. И хотела поднести стакан к губам, когда его перехватила чужая рука.

- Значит, с тобой опять что-то не то.

Стакан у меня забрали, развернули меня задом к раковине; взгляд незнакомца холодный и злой.

«Со мной всё не то!» - хотелось орать. «Прямо от и до!» - куда уж хуже.

- Я просто устала!

- Устала настолько, что забыла, что вода здесь тоже зараженная? Что мы возим с собой бутылки в багажнике?

Хотелось ругнуться матом, но вместо этого я процедила раздраженно:

- Да, хорошо, у меня снова...

Я бы сказала «отшибло память», но в этот момент меня взяли за горло. Спросили совершенно ровно:

- Ты помнишь о том, что в случае проявления у тебя симптомов, я должен тебя уничтожить?

Хорошо, что Лейла сходила по-маленькому до моего появления, потому что у меня был шанс напрудить в её штаны. Особенно после того, как вторая рука моего спутника, отведенная за спину, достала нечто из... кобуры? Я была уверена, что это пистолет, потому что на меня что-то навели, приставили ко лбу.

Но этим чем-то оказался градусник. И пикнул он, по всей вероятности, нормально, показал «зеленый».

Мне физически поплохело от перенапряжения. Но я держалась, я старалась быть бравой и наглой, я пародировала Лейлу.

- Значит, лучше мне оставаться здоровой. Просто... иногда отключается... какой-то отдел мозга из-за переутомления. Выплюсь. И всё пройдет.

Конечно, я врала.

«Твои припадки совершенно некстати. Не в зоне, где некогда спать, где нужно постоянно гнать вперед и оставаться начеку», – вот о чем вещал стальной взгляд.

И я была со своим спутником более чем согласна. Мои припадки вообще никому не «кстати».

Я ждала, что сейчас меня отпустят, но безымянный незнакомец все еще держал мою шею. Его пальцы зашевелились, прощупывая углы моей челюсти – что он проверяет, лимфоузлы?

- Со мной все хорошо...

Дернуться никакой возможности. Движения чужих пальцев достаточно аккуратные, мягкие, взгляд глаза в глаза. Меня повело. Начало утекать куда-то напряжение; стало очевидным, что он стоит слишком близко, почти касается меня пахом. Слишком красивое лицо, слишком мужественная аура. Крупный, сильный, идеальный – совершенно не вовремя захотелось поцелуя, захотелось куда большего, чем один поцелуй...

«Марианна!»

Я в очередной раз прокляла древний камень.

Сейчас бы с этим мужчиной в постель, черт, я вела бы себя, как последняя...

«Мари!»

Голос матери, прозвучавший в воображении, отрезвил, но не слишком.

Когда обследование было завершено, я собиралась ощутить образовавшуюся между нами дистанцию, холод. Наверное, больше душевный, чем физический. Но мою шею никто не отпустил; вместо этого вторая рука расстегнула замок на кофте Лейлы, потянула язычок вниз до самого конца.

- Что ты делаешь?!

- Следую инструкциям. Подними руки.

Я в бюстгальтере, в ошейнике из мужских пальцев. С оголившимся животом. Холодно, жарко, холодно и жарко. А этот мужик не стеснялся совершенно, хоть и действовал аккуратно. Дождался, пока я приподниму руки и прощупал подмышечные впадины – сначала слева, затем справа. «Да, там тоже лимфоузлы», – вспомнилось откуда-то. Когда он это делал, то большая часть его ладони ложилась мне на грудь, чтобы отодвинуть её в сторону – приходилось глубоко дышать.

«В этом нет никакого секса... В этом нет...» Но для меня он был. Невидимый контакт, рушивший границы логики. Касание аур. Неважно, чье тело... Когда такой мужчина, как этот, трогает твою грудь (не важно, действует он по инструкции или нет), сложно не возжелать более тесного контакта. Наверное, у меня расширились зрачки, наверное, изменилось дыхание, потому что изменился и взгляд напротив. Прищурился, скрывая удивление.

- С каких пор ты иначе на меня реагируешь?

«Лейла что, железная? Или ей не нравятся мужчины?» В любом случае, я решила, что головой она однозначно больная.

- Я не... - Позорно в этом случае просто оправдываться. Надо атаковать. – Ты все посмотрел, что хотел? Или паховые тебе тоже надо проверить?

Он – человек без имени - меня отпустил. Сам застегнул кофту, сам бросил в мой стакан какую-то таблетку, которая зашипела, растворяясь. Обеззараживатель? Дождался, пока вода станет прозрачной и спокойной, протянул мне «питье».

- Второй раз за день ты меняешься кардинально. Меняется даже твоя энергия. Что происходит, скажи мне?

Если бы я могла...

Он чувствовал. Как хищник, способный уловить полудвижения, полутона, он в этот момент втянул ноздрями мою ауру, и по мне прокатилась волна дрожи. Черт, он всё чувствует. Полная засада.

- Пей.

- Не хочу.

Ни за что бы я не стала пить теперь эту воду, с таблеткой или нет. Не хватало еще правда подхватить что-нибудь, принести это случайно в свой мир. Хотя ментальные поля, наверное, не заражаются, но шут их знает.

Вместо этого я обогнула этого наглого засранца и дошла до кровати. Обойдусь без воды! На этот раз во внутреннем кармане Лейлы я нащупала блокнот и карандаш. То, что нужно – к этому времени у меня созрела одна дикая, но способная сработать идея. Нужно оставить ей от меня записку, объяснить всё, что можно объяснить. Хотя это почти ничего.

Я упала на кровать, открыла первую страницу.

Мой спутник опустился на стул, на котором сидел до того, спросил иронично:

- Решила вести дорожные записи?

- Завещание написать, - шутка была неудачной, особенно в ракурсе недавних «проверок» моего состояния. – У самого симптомов нет?

Ох, не любила я этот взгляд, который все замечает и отлично анализирует. Который опять изучал меня пристально.

- У меня иммунитет.

Рана на его боку, кстати, почти затянулась. Отличный у них тут порошок, перенести бы с собой пару пакетиков такого.

«Повезло тебе», - вслух этого говорить было нельзя. Наверняка Лейла знала о своем знакомом всё.

Я вздохнула.

Что написать, как написать? И как заставить её прочитать блокнот? Спасибо последней книге Лукьяненко, которую я прочитала на прошлой неделе – там главный герой писал послания самому себе. Но себе из будущего. Я же собиралась написать той, которую не знала совершенно.

И под взглядом, который от меня не отрывался, который меня нервировал (изучая, раскладывая моё поведение на атомы), я принялась строчить:

«Здравствуй, Лейла... Пишет тебе Марианна...»

Если этот тип прочитает записку первым, то решит, что шизофрения развилась у его напарницы. А него «инструкции», черт его дери, поэтому узнать и понять нужно многое. Текст никак не складывался, вместо этого я думала о том, что именно сейчас Лейла делает в моем доме. Шарит по кухонным ящикам, шкафам? Продолжает спать? Ест? Изучает входы-выходы? Придется теперь установить в собственной квартире видеонаблюдение – снова деньги... Я потела от напряжения.

«Пишет тебе Марианна...» - как продолжить? «Я сейчас в твоём теле...»

Когда взглянула на мужчину у стола, тот произнес.

- Я буду дежурить до трех. Потом ты. В шесть выезжаем.

«Не теряй времени, спи», - дельный, блин, совет, но не для того, у кого пульс под сто пятьдесят и опять дрожат руки.

(SleepToken- Sugar)

«Что это за мужик рядом с тобой? Как его зовут?»

Как мне с ним себя вести, чтобы он не заподозрил неладное?

Какие у тебя навыки?

Куда вы едете? Какая цель поездки? Мне нужно знать, чтобы понимать, что отвечать...

И нет, я не знаю, как это всё начало происходить, у меня тоже шок. Ищу выход, решение.

Кем заражены эти... ваши квадраты?

...Он щупал меня этим вечером, искал увеличенные лимфоузлы, когда я опять потеряла память, обещал пристрелить, если заразная... Мне страшно... Как мне научиться быть тобой?»

Если хаотично и непоследовательно, то текст моей записки выглядел примерно так.

Блокнот я спрятала в нагрудный карман, не в рюкзак. Не хотелось, чтобы его взяли «почитать», когда я усну. Отвернувшись, накрылась одеялом и принялась царапать огрызком карандаша на руке:

«Прочитай. Блокнот. Карман куртки».

Я слюнявила кончик грифеля, как в детстве, драла кожу, чтобы остались следы, чтобы точно пропечатался текст. Жаль, что нет маркера или ручки...

Позволила себе перевернуться на другой бок только тогда, когда важная работа была завершена. Незнакомец сидел на стуле, смотрел в сторону окна, о чем-то думал. Рядом с ним на столе покоился огромный автомат, лежали снятые с запястья наручные часы. От раны остался тонкий розовый след – я увидела это, когда мужчина пошевелился, сменил положение рук.

После закрыла глаза.

Надо поспать, надо. Для меня, для Лейлы. Но в перевозбужденную голову, конечно же, лезли мысли.

«Жаль, что я не могу сказать ему правду. Жаль, что не могу приблизиться».

Впервые в жизни я встретила того, к кому была готова сделать шаг навстречу. И никак. Устройся подобный экземпляр работать в нашу компанию, я носила бы лучшие наряды, я тратила бы по полтора часа на идеальный макияж, я бы порхала при мысли о том, что судьба, наконец-то, подкинула в поле зрения мою мечту. Она и подкинула, вот только слегка извращенным образом. И нет, я бы не хотела, чтобы такой мужчина обнаружился в «МедиаКоме», потому что помимо меня пошебетать с ним слетались бы дамы со всех этажей. Однозначно. А я недостаточно настырна, чтобы выдерживать жесткую конкуренцию, я, если быть честной, вообще немного старомодна. Слишком скованна, сдержанна, жду чужого первого шага...

Усталость взяла свое.

Поток моих мыслей сделался бессвязным, тяжелые веки прикрылись. И пришел сон.

Здесь.

Оказывается, когда «перемещаешься» во сне, это не противно. Не чувствуется «качка», спад давления, секундное полубоморочное состояние.

Я просто открыла глаза дома; почти час ночи. Села на кровати и какое-то время снова не могла сообразить, не приснилось ли мне случившееся. У меня опять светлые локоны по плечам, бедра шире, грудь меньше. Не саднит ладонь и не давит плотный ворот замка куртки, которую я там, улегшись в постель, так и не сняла.

Необычным было только состояние плотной тревоги, даже разочарования от того, что что-то очень нужное мне опять закончилось. Нонсенс. Нужно радоваться. Голова тяжелая, ватная; воспоминания путались, не поддавались проверке на «реалистичность». Устав бороться с собой, я поднялась, подошла к раковине, чтобы налить воды. Достала стакан, набрала холодной из-под крана и застыла в страхе. Эта вода была питьевая – у меня в прошлом месяце были поменяны фильтры очистки, накрученные прямо на трубы. Эту воду можно было пить, но мне помнилась шипучая таблетка, брошенная недавно в другой стакан мужской рукой. И почему-то не выходило сделать ни глотка, лишь выступила на висках испарина.

Таблетка была настоящей – я помнила, как лопались микроскопические пузырьки вокруг белой оболочки. Рука на моей шее была настоящей. Этот мужик меня (не меня) ощупывал, ему не понравился очередной провал в сознании Лейлы.

Лейла...

Она ведь была здесь, пока я была там. Чем она занималась? Рыскала по дому, шарилась по шкафам, перебирала мои нехитрые пожитки? Вещи на первый взгляд были разложены достаточно аккуратно. Если эта бестия и рыскала, то делала она это спокойно. Скорее, ходила, осматривалась, тоже пыталась собрать воедино мысли.

Окончательно прояснилось, что случившееся не сон, когда я вошла в ванную комнату, где на зеркале обнаружилась надпись зубной пастой:

«Ты кто?»

И ниже еще одно слово:

«Почему?»

Какое-то время я смотрела на каракули на стекле, после вздохнула. У неё тоже шок, это ясно. Злость, скорее всего, отторжение, ярость, растерянность.

Нам нужно будет как-то это решить.

Возвращаясь назад в комнату, я уверяла себя – она обнаружит надпись на руке, прочтет мои записи, что-то ответит. И быть может, мы сумеем найти кончик нити этого запутанного клубка. Прежде чем вернуться в постель, я вынула из тумбы большой мягкий блокнот формата А5, отыскала ручку, вывела вверх страницы:

«Пиши мне здесь».

Подумала, добавила:

«Блокнот всегда носи в нательных карманах. Я буду носить с собой листы с записями, если буду выходить из дома. И здравствуй, что ли...»

Глупо, наверное.

Но мы, незнакомки, так или иначе, начали знакомство.

Забираясь обратно в постель, я испытывала нервозность. Может, на этом всё закончится? Я проснусь утром, «свопы» прекратятся, жизнь войдет в привычное русло? Вот только почему от этих мыслей мне тоскливо, непонятно внутри? И некий бешеный монстр внутри меня с полными жилами адреналина ждет продолжения?

Уснуть удалось, отключив думы. Вдох-выдох, пятый раз, десятый, двадцатый. Сон.

Там.

Опять давил в районе шеи неудобный, заканчивающийся под горлом, замок кофты. Оде-яло комковатое, не то невесомое, которое осталось в моей постели; жарко.

Конечно, опять хижина в лесу... И я опять Лейла.

В который раз бахнул страх вперемешку с возбуждением.

Мужик все сидел на стуле, смотрел в планшет, который успел взять с центрального стола. Играл? Наверяд ли, скорее, что-то читал. Когда я пошевелилась, на меня был брошен короткий взгляд; я сделала вид, что отлежала бок и перевернулась.

Сколько прошло времени? По ощущениям минут сорок. Конечно же, первым делом в карман... Надпись на руке была затерта, смыта слюной – остались разводы. А страницы с моим текстом нет, вырвана. На следующей выведено другое:

«Пришлось сжечь. Буду писать там».

Там – это у меня дома. Потому что так безопаснее, так тот, кто следит за нами коршуном, не сможет ничего прочесть. Умно. Она опять выходила из дома, чтобы сжечь лист? Тогда, наверное, наш спутник недоволен, что Лейле не спится, а ведь ей еще дежурить...

Эта ночь – что, давала нам пообщаться? Почему перемещения стали столь частыми? Лишь бы подобное не превратилось в ежедневную практику, потому как в этом случае нормальная жизнь превратится в пытку.

Я ненавидела эту кофту и тот факт, что не могла ее попросту снять.

Запихнула блокнот обратно, принялась дышать. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Потрескивали дрова в закопченной металлической печи; в комнате слишком тепло, душно. Спиной ощущая на себе пристальный взгляд, я сбросила одеяло на пол и вновь принялась медитировать в надежде на быстрый обратный «своп». И на то, что Лейла успеет до него дать мне хоть какие-нибудь пояснения. Мы ведь с ней, черт возьми, в одной лодке. Вместе, если что, и потонем.

Здесь.

Два сорок пять на часах.

Как ужаленная в зад иглой, я неслась к столу, как только проснулась в собственной постели. По пути пыталась решить загадку, ответ на которую никак не приходил. Почему мы понимаем друг друга – один и тот же язык? Они в том мире тоже говорят по-русски, или же это очередной мистический прием – хитросплетение формул древнего камня? Наверняка в чужом мире иной язык, но сохранившаяся память (чего – тела, остаточная память мозга?) позволяет нам писать на одном языке.

И да, она написала. Написала много – я шумно выдохнула, прежде чем приступить к чтению. Оказывается, очень давно я с таким рвением не жаждала получать письма. В последний раз лет в пятнадцать, когда в почтовый ящик еще приходили конверты от подруги, переехавшей жить в другой город. Да и те я не хватала так резко, как этот блокнот. Будто от каракулей на листе зависела моя жизнь. Хотя, может, так и было?

«Только не сдохни!»

Вот что было выведено первой строчкой. Мне показалось, что Лейла пережила приступ злости в процессе написания, потому что ручка продавила бумагу в нескольких местах, надорвала её.

«Не сдохни, потому что там опасно, потому что миссия, которую мы выполняем, имеет первостепенную важность для человечества. Я боец, он тоже. Ты хочешь, чтобы я через бумагу научила тебя быть собой?! Передала тебе словами опыт многих лет тренировок?»

Конечно, я её бесила. Моё появление в её теле Лейлу бесило. Непонимание, беспомощность, отсюда ярость – не нужно было быть дипломированным психологом, чтобы это понять.

После она, кажется, чуть-чуть успокоилась, дала себе выдохнуть. Потому что текст пошел ровнее, бумага кончиком ручки уже не надорвана.

«Веди себя холодно. С презрением, если хочешь, потому что мы с «этим мужиком» не ладим, тогда он не заметит разницы. Его зовут RHOD KAMMARI...» - почему-то в этом месте она перешла не на английский даже, но на странные символы, похожие на древнюю вязь. Видимо, не сумела найти подходящие буквы и звуки в русском. Однако каким-то образом я сумела уловить смысл.

«*Рход... Как RhodeIsland? Значит, Под...*»- совершенно чужое звучание.

«... никогда не называй его по имени, я написала это имя лишь для того, чтобы ты его знала. RHOD – сиккх первого порядка...»

Дальше снова как будто была пауза, во время которой Лейла пыталась подбирать слова. Мне же было почти дико от того, что некоторое время она стояла над этим блокнотом, выводя буквы «моей рукой».

«Наемник, воин... не знаю, как объяснить. Таких в моем мире всего несколько, он очень умен и внимателен, он замечает всё. Если он тебя/меня щупал, то это не из любви, но потому что так было нужно. И он пристрелит меня/тебя, если заподозрит неладное. Таковы инструкции. Мы везем вакцину в НИИ на закрытой территории. Точнее, часть вакцины – вторая у них. Люди вокруг заражены «бешенством»...»

Тут она тоже подбирала слова. Наверное, у болезни на местном диалекте имелось название. Дальше кое-что пояснялось.

«Вирус J2HeN4 очень опасен, у сиккха (ты можешь звать его «Кэм») - иммунитет, который у меня сформирован частично, долго объяснять...»

Ей было сложнее, чем мне – вот что я поняла. У неё, у них с этим «Кэмом», была некая важная задача, и такие вот «пробоины» с перемещением выбили Лейлу из колеи больше, чем меня. Накатывало чувство вины – я, вообще-то, тоже этого всего не хотела. Ни тогда, когда мечтала о хорошем мужчине, ни тогда, когда приложила ладонь к камню. Если он вообще был в этом замешан.

«Поэтому я пишу – не сдохни! Не знаю, откуда ты взялась и что происходит, но там сдохнуть очень легко, особенно, если оставаться без боевых навыков...»

Вот это я уже поняла. И почему-то сдавила тоска от слов «не сдохни» - как? Я постараюсь, конечно, но психологически сложно, когда тебя все время куда-то мотает, когда тело то одно, то другое, когда ты должен притворяться и еще пытаться что-то вспомнить.

Дальше шла пустота в несколько строк, как будто Лейла размышляла, дописывать ли концовку. Все же дописала.

«Оставь для меня какой-нибудь атлас вашего мира. Продукты в холодильнике тоже – я пока не знаю, где их здесь брать. Однако у вас спокойнее. Совру, если скажу, что мне это не нравится.

ПС. Где твои титьки?

Л.»

Ах ты, сука! Я чуть не смяла листок от злости. Где мои титьки, значит? Вообще-то они у меня есть, пусть и чуть меньше, чем у Лейлы. Двочка – это тоже грудь, по мнению мужчин, не просто «доска с сосками». Да, конечно, у неё в бюстгалтере побольше, пресс помощнее и боевые навыки, очевидно, прокачаны. Какой упрек я получу в следующий раз? Где мои мышцы? Умение бегать марафон с гранатометом наперевес? Вот же дерзкая стерва, еще продукты ей купи!

На этот раз чувства пришлось укрощать мне.

Вообще-то, она права. Я оставлю ей включенный ноутбук с полем запросов от Гугл, пусть просвещается. Дам в записке короткий инструктаж. Продукты тоже запасу, потому как если бы я была на её месте, есть бы мне тоже иногда хотелось. Да и безопаснее, если она пока не будет ходить по улице и губить остатки моей репутации перед соседями.

Еще раз прочитав уязвляющую мое женское самолюбие строчку про «тительки», я принялась строчить ответ.

(Unsecret (FEAT Erin McCarley) - Everywhere Ghosts Hide)

Там.

Я опять была Лейлой, в который раз за ночь! Это я проснулась, когда в три ночи меня потрясли за плечо, это мои уши услышали слова «Твоя очередь дежурить. Подними меня в шесть».

В глазах песок, в сознании цементная усталость. Нельзя же столько мотать! Дописав очередную записку с пояснениями и новыми вопросами, я улеглась в постель с чувством выполненного долга, готовая, наконец, спать. Просто спать! Но не тут-то было...

Свое место – место Лейлы – пришлось уступить Роду. Занять его стул рядом со столом, кивнуть, мол, «пост принял».

Незнакомец, ставший чуть более «знакомым» после записок Лейлы, разместился на узкой постели, закрыл глаза.

Здравствуй, чужая вахта. Потекли резиновые, бесконечные минуты.

О чем думает голова, когда у неё есть время думать? Обо всём. Особенно, когда не лечь, когда не принять удобное положение.

Мне хотелось увидеть, наконец, свое здешнее отражение в зеркале, но зеркала не было. Щупать свое лицо – нос, лоб, губы – я опасалась. Во-первых, мог проснуться сиккх, бросить на меня полный враждебной внимательности взгляд, опять заподозрить неладное. Во-вторых, я не обладала навыками слепого, чтобы по ощущению от кончиков пальцев собрать в воображение объемный слепок исследованного лица. Во что бы посмотреться? Может, в ящиках имелась посуда из зеркального металла – какая-нибудь подходящая кастрюля или тарелка?

Грохотать, когда мой спутник лег отдыхать, я не стала. Решила, что когда-нибудь столкнусь со своим отражением в одном из зеркал этого мира. Если выживу...

«А что, если я останусь здесь навсегда? Начиная с этого момента? Что, если больше не перемещусь обратно, не стану Марианной?» - пугающие думы, опасные. Но они продолжались. «Куда тогда идти? Где мой дом? Сумею ли я закончить начатое Лейлой?». Все знакомые этой бестии знали, что она обладает боевыми умениями. Как они отнесутся к тому, что она их ничто забыла, потеряла, превратилась в совершенно другого по характеру человека?

Одни проблемы, с какой стороны ни взгляни.

Часы, оставленные Родом на столе, показывали пятнадцать минут четвертого. Родом... В моем мысленном произношении этого имени, незримая и почти неслышная «х» так и проскакивала после первой буквы «Р», придавая слову некоторую зловещесть. *Rhod. Откуда ты, какому клану, сословию принадлежишь? Что у тебя за воспитание, какие принципы, какое прошлое?*

Если вдруг я останусь здесь навсегда, мне придется с ним объясняться, надеясь на то, что он поверит. Всей той несуразной околесице, которую мне придется нести. Быть может даже, он меня не пристрелит...

Одна мысль тяжелее другой.

Мне нравилось это приключение, но не тот факт, что в этот мир меня закидывало столь часто и бесконтрольно. Собственно, не иметь контроль над ситуацией являлось тем, что я ненавидела более всего. И потому принялась думать, существовал ли триггер. Нечто, способное выкидывать меня отсюда не случайно, но по желанию? Шок, страх, боль?

Первые два пункта отвалились сразу. Когда я впервые перенеслась в чужую машину, шока и страха было предостаточно, однако триггером они не явились. Боль? Что, если мне придется носить с собой шип и колоть им себя в ладонь, чтобы выскользнуть в Марианну? Бедная Лейла, тогда все ее ладони будут истыканы. К тому же боль – не то, что хотелось испытывать часто.

Ловушка.

В миске, оставленной Кэмом (к этому прозвищу я почему-то привыкала тяжелее, чем к Рходу), по стенкам остался размазанный порошок. Тот самый, который он прикладывал к ране. Аккуратно придвинув к себе посудину, я подцепила пальцем чуть-чуть, размазала лекарство по царапине на тыльной стороне ладони Лейлы. И чуть не зашипела. Как он это терпел? Как будто сотня мелких жуков впились жвалами в кожу – ужасное чувство. А рана на его боку была гораздо глубже этой царапины, и порошка больше. Моментально расхотелось тащить этот

состав в свой мир, хотя царапина начала почти сразу бледнеть. Боль проходила. И она не активировала мой обратный переход – её не хватило? Или предположение о подобном триггере тоже было ошибочным?

Сколько-то я пыталась поудобнее устроиться на стуле. Садилась то ближе к спинке, то сползала задом на самый кончик сидушки, вытягивала ноги. Бесплезно. Мигала лампочка на планшете – тот принял очередное сообщение? Посверкивал в тусклом свете бок хромированного автомата. Здорового, чужеродного.

Для чего нужна эта вахта? Потому что вокруг враги или потому что «так нужно?»

Ни одного ответа без записок Лейлы, придется ждать возвращения.

Противное время замерло окончательно, по целому веку не желали сменяться минуты; Рход спал. Не храпел, не поворачивался из стороны в сторону, невозможно было даже различить, как вздымается и опускается его грудь. Может, он не спит, а медитирует каким-нибудь неизвестным мне методом, перезаряжает внутренний резерв? С такого бы стало обладать инопланетными умениями.

Сменилась очередная минута на часах, затем еще одна.

Все холоднее в хижине; прогорали те дрова, которые поначалу давали избыток тепла. Я размышляла о том, что успела написать Лейле. Немножко о своем мире, название планеты, количество материков, обозначила, что прямых угроз сейчас нет, хотя в мире кое-где ведутся войны. Дала подробные инструкции о том, как пользоваться ноутом и Гуглом – она должна справиться, ведь гаджеты есть и здесь. Принцип схожий. Спросила её о причинах распрей с напарником – откуда столь стойкая неприязнь? У всего есть причины, другое дело, пожелает ли она рассказывать. Я, конечно, могла надавить, потому что, становясь ей, должна была знать как можно больше. Предоставила ей право задавать вопросы обо мне.

В нагрудном блокноте она больше не писала. Не рисковала. Какое-то время я размышляла, не оставить ли ей здесь новые записи, например, на английском. Она сможет их прочесть? Ответ напрашивался отрицательный – ведь она не поняла его на конференции, это было заметно по лицу.

Где сейчас «МедиаКом»? Далеко отсюда. Как и мой мир... Каким парсеками или частотами мы вообще разделены, я когда-нибудь обнаружу ответы на эти вопросы?

Кое-как миновали в прошлое еще десять долгих минут.

Наверное, стоило подкинуть дрова – остывал воздух. Рход спал без одеяла, но мне не хотелось скрипеть половицами, дверцей печки, грохотать поленьями. Я продолжала ютиться на стуле, как курица на утыканном гвоздями насесте. *Почему я не осталась в собственной постели?*

Затянулась на ладони Лейлы царапина – остатки порошка, который перестал жечь, я стряхнула. Нет, это лекарство воспроизвести на Земле стоило бы. Сумела ли бы я запатентовать формулу? И не взьелось ли бы на меня за это правительство, доходы которого упали бы из-за частично ненужной более фармакологии?

«О чём думает женщина в четыре утра? Женщина, которая мечтает спать в теплой постели...» О всякой ерунде, верно.

Ожидая, что у меня все-таки выйдет вздремнуть, я переключалась на дыхание, тормозила мысли. Ведь получается же иногда в автобусе, в самолете?

И у меня получилось.

Почти.

(Klergy– TheEnd)

Что-то разбудило меня в четыре минуты пятого. Что-то нехорошее. Я услышала это, потому что толком не спала, потому что так и не отключился слух.

Шум вокруг дома.
Шаги?

Я выпрямилась на стуле, ощущая вставшие на загривке волосы. Значит, вахта все-таки не являлась формальностью... Кто-то или что-то перемещалось за стенами, вокруг них. И это что-то шумно дышало.

В который раз яростно, очень сильно захотелось просто пожелать и оказаться в безопасности. В своем мире, в своем доме.

«Не сдохни!»

Я редко материлась, но честно шепнула «бл%дь», потому что еще пара секунд, и мне придется взять со стола оставленный Рходом автомат. Если даже я сумею ухватить его правильно, если сумею найти спусковой крючок, удастся ли мне попасть?

«Во что?» Удастся ли вообще выстрелить в нечто живое?

На висках выступила испарина. *Что, если оружие на предохранителе? У автоматов бывают предохранители? Бесполезно читать в Земном Гугле, нужен местный...*

Нечто снаружи издавало нехорошие утробные звуки. Как будто что-то застряло у него в пищевode или же трахее... Люди так не «булькали».

«Лейла, и ты еще выходила наружу поссать? Да я бы прудила лучше в раковину, смывала бы мочу зараженной водой... Камень, ты не мог швырнуть меня на Мальдивы к пальмам?»

Когда качнулась под толчком снаружи дверь, к оружию пришлось прикоснуться.

Я не ожидала, что оно окажется таким тяжелым, отлитым словно из чугуна. Вместо того чтобы прочно ухватиться за приклад, как это, наверное, сделала бы Лейла, я сдвинула здоровую огнестрельную бандуру, и она упала со стола прямо мне на ногу, на палец... Вот это была боль – я взывала!

Сиккх подскочил моментально, ситуацию оценил за доли секунды, так мне показалось. Будто и не спал. Я вообще забыла о том, что можно было его разбудить, страх вымыл из головы мысли о втором человеке в помещении (вот что творит с женщиной долгое одиночество). Автомат он поднял с пола играючи, мне, продолжающей держаться за ногу, сунул пистолет.

Я хотела его взять, честно, я должна была...

Но качнулся мир.

Здесь.

В окно, глядя, как зарождается несмелый рассвет, я смотрела испуганная, ошарашенная. Лейла удержалась на ногах, когда так резко вернулась в свое, стоящее на одной ступне, тело? Приняла пистолет? Они справились с врагами? Что вообще там... происходит? Кто был снаружи? Хорошо, что я этого не увидела, или плохо?

На столе лежал очередной исписанный листок, но у меня не было даже сил его читать. Иссяк внутренний резерв, дочиста был выведен переживаниями. Всё, что я могла – это добраться до постели, превратить одеяло в безопасную берлогу, уткнуться в подушку, закрыть глаза.

«Не закидывай меня туда больше», – просила я камень. «Или хотя бы не очень скоро. Дай отдохнуть... Пожалуйста...»

Может, шизофрения лучше, чем настоящие приключения такового рода?

«Рхода».

Достаточно с меня путаницы из мыслей и эмоций.

Я впервые в жизни отключилась до того, как закончила считать до десяти.

Глава 4

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.